

© 2014 г. И.Б. СЕРЕБРЯНАЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ О ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматриваются возможности использования материалов русской литературной критики в качестве важного источника лингвистических сведений. В этих суждениях, представляющих собой проявление языкового сознания, отражаются тенденции языкового развития, проблемы культуры речи, лингвистические вкусы и предпочтения эпохи.

Ключевые слова: русский язык, языковое сознание, оценки языка, языковая норма, русская критическая литература первой половины XIX в.

The article discusses the possibility of using Russian materials of literary criticism as an important source of linguistic information. These judgments, which are a manifestation of linguistic consciousness, reflected the trend of language development, cultural and speech problems, linguistic tastes and preferences of the era.

Keywords: Russian language, language consciousness, language assessment, standard dialect, Russian critical literature of the first half of the XIX century

*Критика всегда соответственна тем явлениям, о которых судит:
поэтому она есть сознание действительности.*

В.Г. Белинский

Изучение ценностного отношения к языку является важной проблемой современного языкознания. В этом плане вызывает большой интерес как спонтанная, так и обдуманная критико-лингвистическая деятельность носителей языка, обращенная к Слову.

О необходимости исследования оценок языка (речи) и возможности использования в лингвистике результатов этих изысканий пишут многие языковеды: [Шварцкопф 1970; Виноградов 1981; Вольф 1985; Арутюнова 1988; Винокур 1991; Кронгауз 1999; Вепрева 2002; Григорьев 2004] и др.

Следует отметить, что работы как о спонтанных оценках (которые изучаются наиболее активно), так и о намеренных (к которым ученые обращаются реже) имеют преимущественно обобщенно-теоретический характер и посвящены большей частью эпохе XX – начала XXI в. Так, А.А. Шунейко рассматривает в названном отношении индивидуальные стили В.М. Шукшина, И.А. Бродского, А.Т. Драгомошенко и В.В. Ерофеева [Шунейко 1992: 14–19; 2001: 389–392]. М.А. Кронгауз пишет об идеях критики языка, возникших в Венском кружке, Кембриджском и Оксфордском университетах (конец 1920-х – 30-е гг.), а также рассматривает критику русской речи в советское и постсоветское время [Кронгауз 1999: 143–146]. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху как проявление мировосприятия носителей языка исследуется в монографии И.Т. Вепревой [Вепрева 2002]. Работы ретроспективного плана, посвященные языковым оценкам, встречаются не столь часто. Таковы, например, исследования Г.В. Судакова [Судаков 2012: 95–105] и Э.Л. Трикоз [Трикоз 2010: 3–20], в которых анализируется метаязыковая рефлексия в России второй половины XIX в.

Между тем в соответствии с идеями Г.О. Винокура и В.В. Виноградова изучение оценочных суждений о языке особенно перспективно с точки зрения его истории, по-

сколькx отражает состояние речевой культуры, характер «языкового идеала» и «лингвистические вкусы» в конкретную эпоху [Виноградов 1981: 175; Винокур 1991: 39–40].

Как известно, исследованием литературной критики (творческой деятельности по оценке художественных качеств и общественной роли словесных творений) [СЛТ: 168] занимаются в основном литературоведы. Однако литература – искусство слова, и критики уделяют большое внимание этому «первозлементу», по выражению М. Горького [Горький 1953: 212], литературного творчества, оценивая не только идейно-содержательную, но и языковую сторону произведений и касаясь при этом наиболее актуальных для носителей языка проблем культуры речи. Эти рассуждения как проявление языкового сознания, затрагивающие практически все уровни языка (от фонетического до грамматического), весьма значимы для языковедов. Изучение лингво-оценочного материала позволяет судить об основных тенденциях в функционировании и развитии языка определенного периода.

В связи со сказанным кажется целесообразным вычленение особой области языкознания – русской лингвистической **аксиографии** (от др.-гр. слов ἀξία ‘ценность’ и γράφω ‘пишу’), изучающей специальные высказывания критиков (в статьях, рецензиях, библиографических заметках, эстетических и риторических трактатах, дневниках, мемуарах и т.п.) о языковой составляющей отечественной литературы. Важно отметить, что критикующие далеко не всегда считают нужным аргументировать свою точку зрения, полагаясь на лингвистическую компетентность читателей или (в случае не рассчитанных на публику маргиналий, черновых заметок и т.п.) не видя в этом нужды. Иногда же имеющиеся комментарии в наши дни непонятны, поскольку были написаны давно. Поэтому аксиографические факты часто представляют своего рода лингвистические загадки, для решения которых требуются изыскания с привлечением лексикографических источников, грамматических руководств, узальных данных. Так, например, требует объяснения любопытная оценка, высказанная А.Ф. Воейковым в рецензии на поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». По поводу строк ...*вдруг витязь мой, Вскипев, железною рукой С седла наездника срывает* критик указал, что «слово *наездник* низко и выходит из общего тона» [ППК: 59–60]. Определение *низкий*, часто используемое применительно к языку рецензируемых произведений в русской критической литературе XVIII – первой половины XIX в., претерпело, как об этом свидетельствуют данные словарей, существенную смысловую эволюцию. Если в «Словаре Академии Российской» *низкое слово* толковалось лишь как ‘простонародное’ [САР, 4: 528], т. е. стилистически сниженное, то в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. еще и как ‘плохадное’, т.е. неблагопристойное [СЦР, 2: 458]. Дело в том, что в прошлом *наездник* – это не только ‘всадник’, ‘любитель верховой езды’, как в современном русском языке, но еще и ‘всадник, действующий против неприятеля наездом’, ‘морской разбойник, перехватывающий чужия суда’, ‘разбойник, пират, корсар’ [САР, 5: 981; СЦР, 2: 423]. Следовательно, слово *наездник* в значении ‘разбойник’, связанное с глаголом *наезжать* ‘нападать на кого или на что’ [САР, 5: 981], имело ранее отрицательную коннотацию, которая, вероятно, и была причиной неодобрительного мнения Воейкова.

Сказанное можно проиллюстрировать примерами (здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]):

Не разбойники морские, Не наездники, не воры, Сохрани нас бог, помилуй, Чтоб их назвали столь мерзко [А. Радищев. Бова (1798–1799)];

Наездник горький: ветх и одинок, Я доживу остаток дней постылых [А. Грибоедов. Серчак и Итляр (1825)];

будь в своем журнале Друг твердый, а не злой наездник правды, С журналами другими не воюй [В. Жуковский. Две повести (1844)] и т.п.

Примечательно, что литературоведы, исследователи литературной критики, подчас расценивают высказывания рецензентов о языке рассматриваемых произведений негативно, именуя такие оценки «догматическими» и «узкими» в противовес критическим суждениям идейно-тематической направленности [ИК 1958: 77; Крупчанов 2005: 7–8].

Одной из причин такого отношения к замечаниям критиков о языке можно, вероятно, считать абсолютизацию общеметодологического положения о приоритете содержания над формой, в результате чего распространилось представление о литературной критике как о деятельности, нацеленной, прежде всего, на оценку идейно-содержательной стороны произведения. При этом форма начинает рассматриваться как нечто маловажное, не выражающее подлинной сути произведения [Алефиренко 2009: 99]. Между тем, в соответствии с философской теорией о диалектическом единстве формы и содержания, форма сочинения – это не внешняя оболочка содержания, а способ существования целостного, обладающего смыслом произведения [Философский словарь 2010: 486–487], и критическое суждение о нем должно обязательно иметь не только содержательные, но и формальные характеристики. Другую причину неодобрительного отношения литературоведения к языковым оценкам в критических сочинениях можно видеть в том, что былое единство филологии во многом утрачено; литературоведение и языкознание в наши дни настолько размежевались, что каждая из двух некогда тесно слитых наук имеет свой строго очерченный круг проблем, выход за границы которых представляется нарушением. Можно согласиться с Г.О. Винокуром и В.П. Григорьевым в том, что от разобщенности этих наук, связанных внутренней близостью, «страдает единство филологии, культура художественной речи и воспитание в обществе чутья к слову» [Винокур 1991: 69; Григорьев 2004: 117].

В отличие от упомянутых выше попутных оценочных высказываний, обусловленных спонтанной реакцией носителя языка на чью-либо речь, суждения о языке в произведениях русской литературной критики являются специально заданными, продуманными и нередко сопровождаются комментариями и аргументацией. Об этом свидетельствует сравнение примеров спонтанных оценок из энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» с высказываниями критиков первой половины XIX в. о свойствах языка оцениваемых произведений, см.:

Что это за «пара минуточек» и «за кур»: Вы, вероятно, хотели спросить «насчет кур»? (М. Булгаков); Не вступил, как говорят юристы, в законную силу [о приговоре] (газ.); Вся жизнь Пушкина есть уже как бы законченное художественное произведение, если избегать пошловатого слова «роман» (В. Солоухин) и т.п. [КРР: 401, 809];

На тминѣ, вспрыснутымъ росой. Слово вспрыснутый здѣсь прекрасно! Можно бы сказать: орошенный, омытый, но Поэтъ-Баснописецъ употребилъ выражение новое и совершенно приличное (Разбор басни И.И. Дмитриева «Кот, ласточка и кролик»; подпись И.) [Благонамеренный. 1818. № 2: 259];

Вчера читал я перевод Жуковского «Орлеанской девы»; это важный и редкий подарок нашей бедной литературе... Мне Жуковский досадил в этом переводе только тем, что употребляет некоторые иностранные слова – и притом такие, которым в нашем языке есть совершенно равносильные: напр., *армия, партия, нация, марш*; хотя они нисколько не мешают верности перевода, но что в них, когда есть свои и благозвучнейшие: *воинство, сторона, народ, ход?* (Письмо П.М. и А.М. Языкову от 6 апреля 1824 г.) [Языков: 317–318];

Слогъ и языкъ Автора неправильны до крайности. На рѣдкой страницѣ не найдешь грамматической ошибки. Авторъ пишетъ: *взойдя въ дверь...*, *взошелъ въ комнату*, вместо *войдя, вошелъ*, и напротивъ, *втянемъ на маковку дерева, вмѣсто встанемъ...*, *въехалъ на дворъ*, вм. *въехалъ* (Разбор романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году») [СП. 1830. № 9. «Новые книги»] и т.п.

Выраженная осмысленная лингвистическая нацеленность критиков, чьи оценки составляют второй ряд примеров, очевидна.

Анализ аксиографических данных позволяет значительно глубже исследовать такое сложное психолингвистическое явление, как языковое сознание, или, в терминологии некоторых исследователей, «языковое чутье» [Шварцкопф 1970: 278]. Речь идет об индивидуальной или коллективной интуитивно-оценочной способности носителей национального языка видеть его наиболее существенные свойства, связи и отношения. О необходимости категориального рассмотрения «чутья языка народом» писал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, утверждавший, что это «функция действительная, положительная, объективно подтверждаемая и доказываемая фактами» [Бодуэн де Куртенэ 1963:

58–59]. Аналогичные идеи выдвигал и Л.В. Щерба, который указывал, что имеющееся у человека оценочное чувство «правильности или неправильности того или иного речевого высказывания» можно продуктивно использовать для изучения языковой системы [Щерба 2004: 33].

Оценивая словесную сторону письменной речи, критики опираются на собственный языковой опыт, образцовое употребление и кодифицирующие источники, осуществляя при этом разнообразные мыслительные операции: сравнение и аналогию, обобщение и ограничение, определение и аргументацию и другие. При этом, сталкиваясь с речью других, говорящий иногда осознает то, что до сих пор было для него неосознанным: «осознавая чужое, осознает свое» [Шварцкопф 1970: 288]. Поэтому возможны ситуации, когда обнаружение чужих успехов и погрешностей становится причиной размышлений литератора над собственной художественно-речевой практикой и аналогичными или противоположными явлениями у собратьев по перу. Так, например, в поэтическом отзыве на элегию П.А. Вяземского «Вечер на Волге» В.А. Жуковский отрицательно оценил использованный Вяземским метафорический эпитет *златые мечты*. При этом критик высказал пожелание, чтобы читателей *воздушные мечты, А не тяжёлые златые веселили* [В. Жуковский. К кн. Вяземскому (1815)]. Сделав акцент на предметной неточности образа, Жуковский подчеркнул здесь противоречие между абстрактностью определяемого слова *мечта* и изначальной, хотя и стершейся впоследствии, вещественной «тяжеловесностью» эпитета *златой*. Дополнительно в письме Вяземскому от 19 сентября 1815 г. Жуковский обосновал свое мнение так:

Дремать в златых мечтах никак нельзя. Златые мечты прекрасны, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то *златые* совсем не годятся: не оправдывая себя моим примером; я сказал в «Кассандре»: *в сновидениях златых* – это такая же точно ошибка, какая у тебя. Она оставлена в моей пьесе за неумением исправить, а поправить бы весьма нужно [Жуковский: 365].

Вяземский учел этот совет. В окончательном варианте стихотворения текст изменен: *Забывшись, наяву один дремать в мечтах* [П. Вяземский. Вечер на Волге (1815–1816)].

Устойчивый метафорический оборот *мечты златые* активно использовался стихотворцами XVIII – первой половины XIX в., например:

Надежды и мечты златые, Как птички, быстро улетят [Н. Карамзин. Послание к Дмитрию (1794)]; *Любовь в мечтах златых мне счастье сулила* [К. Батюшков. Надпись на гробе пастушки (1810)]; *Так лети ж, мечта златая, Увядай, моя весна* [В. Кюхельбекер. Пробуждение (1820)] и т.п.

Замечательно, что Жуковский, проявив в данном случае тонкое чувство языка, произвел своеобразную переоценку ценностей, подметив в традиционном метафорическом сочетании существенную смысловую дисгармонию.

Еще одна, весьма значимая аксиографическая проблема – это проблема понимания. Понимание – философская категория, представляющая собой процесс обнаружения смысла. Вместе с «говорением» и «языковым материалом» понимание входит как составная часть в разработанную отечественными лингвистами теорию речевой деятельности [Щерба 2004: 25; Леонтьев 2007: 14]. Л.В. Щерба называет процессы понимания и интерпретации, в которых наиболее полно воплощается работа человеческой мысли, «громадной и мало исследованной проблемой» языкознания [Щерба 2004: 25–26]. Несомненно, прав был А.А. Потебня, утверждая, что слушающий и читающий часто способны гораздо лучше говорящего и пишущего улавливать то, что скрыто за словом [Потебня 1976: 181]. Важно подчеркнуть, что акт понимания является не просто зеркальным отражением воспринимаемого текста, но и предполагает непременно «соучастие» читателя или слушателя в прочитанном или услышанном, когда к сказанному автором текста добавляется нечто содержательно новое, иногда даже более совершенное и глубокое, чем в исходном тексте. Оценивание произведения – один из видов этого «соучастия».

Однако, как кажется, восприятие речевого произведения со специальной целью дать его представленную в письменной форме оценку – это отличающийся особой взыскательностью и повышенной требовательностью процесс, в котором понимание сопровождается своеобразным «приниманием», т. е. формированием сугубо личного отношения к тексту, приятием этого текста или, напротив, отвержением. Думается, что «принимание» – это значительно более синкретичный и вместе с тем разносторонний, касающийся самых разных аспектов формы и содержания процесс, нежели понимание, представляющее собой, прежде всего, постижение смысла. Кроме того, приятие или отвержение более эмоциональны и, соответственно, менее рациональны, чем понимание, и потому труднее осознаются и сложнее вербализируются. Красноречивым примером к сказанному может служить отрицательная реакция Н.И. Гнедича на балладу П.И. Катенина «Ольга» (1816), насыщенную простонародными выражениями: «Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме разве того, что они – так сказать – нейдут в душу» [РПП: 101]. Столь же общо выразил в 1818 г. свое восторженное отношение к пушкинскому посланию «Когда к мечтательному миру...» В.А. Жуковский: «Какие стихи! Он мучить меня своим даром, как привидение!» [РА. 1896. № 10: 208].

Разумеется, позже критики, поставленные перед необходимостью обосновать не вполне отчетливое для них самих, но уже сложившееся впечатление от оцениваемого литературного текста, могут начать анализировать причины своего отношения, разбирая частности и входя в детали. Так, например, П.А. Вяземский отметил в том же пушкинском стихотворении поразившее его оригинальностью выражение *в дыму столетий*. Эта метафора относилась к вышедшей в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: *Он духом там, в дыму столетий! Пред ним волнуются толпой Злодейства, мрачной славы дети, С сынами доблести прямой* [Пушкин: 564]. В письме Жуковскому от 2 апреля 1818 г. Вяземский так написал о своем впечатлении от выражения *в дыму столетий*: «Это выражение – город. Я все отдал бы за него: движимое и недвижимое. ...Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего» [Там же]. Вероятно, восхищение Вяземского было обусловлено глубоким художественно-философским подтекстом смелого пушкинского переноса, основанного на тончайших ассоциативных связях между понятиями *дым* 'летучие продукты горения' и *столетие* 'срок в сто лет'. В этом сближении оказались гармонично и новаторски совмещенными представления о несущественности исторических изменений «перед лицом вечности» и вместе с тем о глобальности социальных катаклизмов и необычайной притягательности древних эпох для ныне живущих поколений. По убеждению Вяземского, смелости пушкинского выражения «испугался бы» даже Державин, автор таких новаторских тропов, как *время льется*, *глагол времен* и др. [Чичерин 1977: 319–323]. Нестандартность и смысловая емкость метафоры *в дыму столетий* выявляются особенно наглядно при ее сравнении с тропами, включающими те же лексемы, в произведениях поэтов – современников Пушкина, например:

Его дела – ничтожный дым [В. Жуковский. Добродетель (1798)];

Веселий шумных мы забудем дым пустой [К. Батюшков. Послание к Хлое (1804–1805)];

Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен [К. Батюшков. Послание к стихам моим (1804–1805)];

...тайну Судеб С трепетом сердца прочтешь в тумане столетий грядущих [В. Кюхельбекер. К Матюшкину (1817)];

Во гневе прах столетий отрясаешь [С. Шевырев. К Риму (1829)] и т.п.

Как видно из приведенных примеров, в качестве основания сближения поэты брали какой-нибудь один семантический аспект: незначительность или суетность явления; неясность, смутность прошлого; бренность человеческого бытия и т.п. У Пушкина же все эти и многие другие «смыслы» мастерски слиты в единое целое.

Активный характер аксиографического понимания и «принимания» проявляется в том, что критики часто предлагают свои варианты правки текста. Так, например, в жур-

нале «Московский вестник» за 1830 г. за подписью С. А-въ была помещена рецензия на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», автор которой сделал немало замечаний лексико-стилистического характера, сопровождаемых рекомендациями по исправлению погрешностей:

неговорится (sic! – И. С.): *зарѣзанный быкъ...*, а *убитый*; *Бѣдненькой охъ*, а за *бѣдненькимъ Богъ*... надобно сказать: *голенькой охъ*, а за *голенькимъ Богъ*!; *Вспорхнулъ на сѣдло*... неидеть... къ Запорожскому козаку; лучше *взмахнулъ*... [МВ. 1830. № 1. Ч.1: 81–84].

В редких случаях можно наблюдать интереснейшие факты переделки критиками – в соответствии с их представлениями о правильном и ошибочном, уместном и неуместном в речи – исходных текстов. Так, профессор русской словесности Казанского Императорского университета Г.Н. Городчанинов в 1813 г. осудил как погрешность использованное Ломоносовым в одной из торжественных од прилагательное *повинный*:

Ты судъ и милость сопрягаешь, Повинныхъ съ кротостью казнишь; Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь, Ты осужденныхъ кровь щадишь. Слова, кроме выражения *повинныхъ*, нынѣ въ стихахъ неупотребительнаго, точны, ясны, сильны, выразительны [Городчанинов: 37].

А через двадцать лет в казанском журнале «Заволжский муравей» был опубликован принадлежавший перу Городчанинова «разбор» той же оды, где никаких негативных замечаний уже не было, а вместо слова *повинный* стояло *виновный*: *Виновныхъ съ кротостью казнишь* [ЗМ. 1832. № 6: 325]. Думается, что убежденный «шишковист» Городчанинов сознательно изменил ломоносовский текст [Серебряная 2010: 576]. По-видимому, неприятие использованного в высокой оде терминологически закрепленного в правовых памятниках и употребительного в фольклоре слова *повинный* было у профессора столь острым, что он, вероятно, желая представить Ломоносова перед читателями в более выигрышном свете, решился заменить это слово синонимичным и более нейтральным.

Весьма примечательным также кажется еще один случай переделывания критиком исходного текста. О.И. Сенковский, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», развернувший на страницах своего издания борьбу с «приказными» местоимениями *сей* и *онъ*, специально изменил пунктуацию в эпиграмме А.С. Пушкина «Охотник до журнальной драки». Демонстрируя якобы имевшее место отрицательное отношение Пушкина к местоимению *сей*, критик коренным образом перестроил интонационно-синтаксический строй пушкинского произведения, самоуправно превратив согласованное определение *сей* в подлежащее и обособив в качестве постпозитивного приложения к нему атрибутивное словосочетание *усыпительный зоил*. Об этом свидетельствует сопоставление знаков препинания и характера оформления в пушкинском тексте и варианте, опубликованном Сенковским:

Охотник до журнальной драки, Сей усыпительный Зоил Разводит опиум чернил Слюнею бешеной собаки [А. Пушкин. «Охотник до журнальной драки...» (1824)];

Охотникъ до журнальной драки, Сей, усыпительный Зоиль, Разводитъ опиумъ чернилъ [БДЧ. 1838. Т. 27. Ч. 2: 24] (местоимение *сей* выделено и обособлено критиком. – И.С.).

Материал критических суждений о языке позволяет более глубоко исследовать вопросы соотношения формы и содержания в литературном произведении. Дело в том, что при всем внимании к Слову, характерному для русской критики, рецензенты в ряде случаев расценивали языковую сторону сочинения как чисто формальную, нередко относясь к замечаниям своих собратьев по поводу словесного оформления какого-либо «разбираемого» текста как к мелочным и несущественным «придирам». Типично в этой связи высказанное в 1825 г. пожелание А.А. Бестужева (Марлинского), чтобы русская критика «не корпела над запятыми, а имела бы взор более общий» [ИК 1958: 196].

Весьма существенной в методологическом отношении представляется также связанная с критическими суждениями о языке литературы проблема соотношения субъективного и объективного в оценках. Безусловно, критические высказывания о речевой

стороне литературных произведений имеют ярко выраженный субъективный характер, являясь прежде всего выражением личного мнения. Любая оценка, т. е. «эмоционально-волевое отношение» к предмету или явлению [Пешковский 1959: 50], субъективна, и каждый рецензент исходит из собственного языкового опыта, своих представлений о правильном, своих лингвистических привычек и вкусов. Однако эти оценки, как и сама литературная критика, компонентом которой они являются, социальны по природе, поскольку соответствуют общественно-исторической языковой ситуации, связаны с народом-носителем и обусловлены особенностями национального языка. Индивидуальное легко «переливается» в коллективное, и происходит это в том случае, когда личное приобретает черты, существенные для многих или для всех. Неоспоримо, что язык существует и развивается объективно, но эта объективность складывается из множества субъективностей. Таким образом, исследование индивидуальной критической точки зрения на языковые факты позволяет изучить коллективное мнение об этих фактах и одновременно дает возможность более глубоко познать общие закономерности функционирования и развития языка.

Поскольку ценностное отношение к языку осуществляется в результате сопоставления воспринимаемого языкового материала с соответствующим образцом, одним из наиболее значимых при исследовании критических суждений указанного типа является вопрос о литературно-языковой норме. Норма языка – это «реализации языковой системы», считающиеся в определенную эпоху эталонными; итог сознательной кодификации языка и важнейший признак его литературности [КРР: 367; Крысин 2007: 5–6]. Изучение языковых оценок позволяет существенно уточнить представления об этом понятии. Литературная норма, выступая важным мерилom оценок в языковой сфере, существует объективно, т. е. независимо от воли и желания носителей языка. Вместе с тем, поскольку эта объективность организуется из отдельных «субъективностей», весьма значима роль субъекта – носителя языка, осознающего норму и способствующего ее закреплению, в частности, роль критика. Литературные критики – та часть образованного сообщества, которая по роду деятельности принимает самое активное участие в процессе отбора языковых средств как нормативных. Известно, что норма литературного языка представлена в образцовых текстах, и в этом осознании «образцовости», «эталонности» произведения исключительно велико значение критики. В ходе критического обсуждения складывается коллективное мнение о сочинении (в том числе и о языковой его стороне) и формируется социальное «одобрение» (или, напротив, «порицание») тех или иных использованных писателями фактов языка. Литературная норма – исторически изменчивое понятие и имеет различное содержание в разные периоды существования языка. Изучение вынесенных в конкретный временной промежуток критических суждений о языке литературных произведений дает возможность установить характеристики нормы, специфические для определенного периода.

Так, например, в русской критической литературе первой половины XIX в. активно обсуждались фонетико-орфоэпические, акцентологические, грамматические нормативные вопросы (например, явление перехода [е] в [о], чередования, связанные с заднеязычными согласными типа *клев* – *хлев*, *калоша* – *галоша*, *бакчисарайский* – *бахчисарайский* и т.п., акцентная неустойчивость двусложных существительных женского рода с флексией *а* типа *сосна*, *глава*, вариативность ударения в кратких и полных формах прилагательных, неустойчивое ударение в причастиях – книжной части речи, унаследовавшей церковнославянские акцентные черты; родовая принадлежность существительных типа *дитя*, употребление числовых форм отвлеченных имен, падежные формы разносклоняемых существительных, трудности, связанные с видо-временными и залоговыми отношениями и т.п.) [Серебряная 2012а; 2013]. Исключительно большое внимание критики уделяли также лексико-семантической стороне оцениваемых текстов, обсуждая проблему «своего и чужого» в языке, различные изменения семантической структуры слова (особенно в кругу так называемых «поэтизмов») [Серебряная 2012б], становление тропического арсенала русской поэзии, различные трансформации в области лексической сочетаемости и в сфере фразеологии и др.

Требование к литературным критикам оценивать нормативно-языковую сторону произведения восходит к глубокой древности. Оно выдвигалось еще античными филологами-теоретиками, всячески поддерживалось в средневековье, затем было безоговорочно воспринято русской критикой XVIII в., для которой очень характерны суждения такого рода. Так, в одном из самых авторитетных для России эпохи классицизма труде Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам» в качестве основной задачи при «толковании Писателей» ставилась следующая: «подать свѣдѣнія о распоряжении рѣчи, о красотахъ, въ ней находящихся, да и о самыхъ порокахъ, если они случатся во оной». Здесь же давалась ссылка на древнеримского риторика и филолога Квинтилиана, который рекомендовал критикам «примѣчать собственность, изрядство, благородность выражений», «красоту метафоръ и различныя фигуры» [Роллен: 70–72].

Русская литературная критика оформилась как самостоятельное явление литературного процесса в 30–40-е гг. XVIII в. и связана на этапе своего становления, прежде всего, с именами М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова. Считается, что французское слово *critique* ‘критик’, ‘острый судья’ впервые использовал в примечании к одной из своих сатир 1739 г. А.Д. Кантемир. Как пишут исследователи, позже, в 1750 г., В.К. Тредиаковский ввел в употребление существительное женского рода *критика*, применив его в обычном для наших дней значении ‘анализ’, ‘разбор’ и написав уже по-русски [РЛК XVIII: 5–8].

Эти сведения, однако, нуждаются в существенном уточнении, поскольку в НКРЯ представлены более ранние случаи применения термина «критика» В.Н. Татищевым. Данное слово, выступающее у Татищева в значении ‘разбор научного сочинения’, было представлено в его переписке и публицистике характерными для русского языка падежно-числовыми формами, например:

из его книг видимо, что разсуждения, не упоминая философии и критики исторической, не доставало; некоторые ученые, собрався в Париже, Коллегию французскую сочинили, которых большее прилежание во исправлении языка их состояло, для котораго преизрядные грамматики, лексиконы, критики на неправое писание и речение и другие полезные книги сочинили [В. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах (1733)];

понеже тогда имя Польша было незнаемо, и народ жил сарматы, то обличает подложность или незнающаго критики автора [В. Татищев. И.Д. Шумахеру (1747)].

Данные факты свидетельствуют не только о лексическом, но и о свершившемся уже к началу 1730-х гг. полноценном грамматическом освоении данного заимствования.

В трудный период становления русская литературная критика была во многом подражательной. Критики обычно ориентировались в своих оценках на античные и европейские (преимущественно французские) литературно-эстетические и риторические трактаты Горация, Буало, Рамсе, нередко обращаясь также к авторитету Корнелия, Расина, Вольтера и др. [РЛК XVIII: 5–24]. Вместе с тем постепенно в ходе теоретической полемики вырабатывались национальные принципы оценок, и главенствующее место среди них в XVIII в. занимал критерий нормативно-языковой. Это было совершенно естественно, поскольку литература – искусство слова, и на заре русской критики в качестве основополагающей ценности принималась именно словесная, «лежащая на поверхности» сторона анализируемых произведений.

Так, например, М.В. Ломоносов, перечисляя в 1739 г. правила российского стихотворства, на первое место среди них ставил требование «сочинять по природному нашему языку свойству» [Там же: 26]. Г.Н. Теплов в 1755 г. утверждал, что автор, не знающий грамматических и риторических основ, никогда не добьется успеха [Там же: 58]. И в собственной критической практике литераторы XVIII в. акцентировали внимание прежде всего на нормативно-стилистических явлениях. В частности, В.К. Тредиаковский, оценивая комедию Сумарокова «Тресотиниус», руководствовался почти исключительно критерием речевой правильности, обвиняя автора в многочисленных погрешностях против церковнославянского и русского языков и делая вывод: «Великий словесник! в полуторе строчки пять грехов» [Там же: 72]. Аналогичным образом, об-

рашааясь большей частью к языковому оформлению, судил о произведениях Тредиаковского и Ломоносова А.П. Сумароков [Там же: 110–112; 123–126].

Русская литературная критика первой половины XIX в., послужившая фактической основой для данной статьи, также отличалась исключительно придирчивым вниманием к языковой стороне обсуждаемых произведений. Этот период имеет особое значение для истории русского национального языка, русского литературного языка, русской литературы и русской культуры в целом.

Первая половина XIX в. – время расцвета русской литературной критики, когда она стала авторитетной наукой и вместе с тем – одним из значимых видов литературного творчества [Крупчанов 2005: 7]. Так, профессор Московского университета, писатель и критик А.Ф. Мерзляков в 1812 г. писал, что «заря здоровой Критики», которая начала загораться еще с петровских времен, «часъ отъ часу болѣе и болѣе освѣщаетъ стихии нашей Словесности» [Мерзляков: 76]. В письме «Некоторые замечания о критике», напечатанном за подписью «Д» в «Трудах общества любителей Российской словесности», критика уподоблялась «чистительному огню, чрезъ который проходить всѣ произведения ума нашего»; сочинение, не подвергнутое критическому рассмотрению, сравнивалось автором с глыбой «необработанной руды, въ которой металлъ теряетъ большую часть своего блеска» [Труды 1817: 6, 65]. Показательны также воспоминания К.А. Полевого о восторженной реакции его брата Н.А. Полевого на одну из рецензий: «Нельзя исчислить, сколько пользы приносятъ онѣ (т. е. «умные, с душою написанные и потому увлекательные» рецензии. – И.С.) юнымъ умамъ, жаждающимъ познаний!» [Полевой: 61]. Одной из важнейших задач, стоящих перед критикой, тогда считалась «установка правил языка» [Булаховский 1957: 42].

Одновременно первая половина XIX в. – это время зрелой русской литературы, жанрово и художественно многообразной. Если период классицизма был эпохой традиционного постоянства поэтики, когда, по выражению В.Г. Белинского [Белинский: 99], «никто не смел быть оригинальным», то первая половина XIX в. – период «освобождения от канонов» [Гинзбург 1974: 19]. В литературной жизни этого времени наблюдались такие важные явления, как упадок классицизма с типичными для него жанрами оды, эпопеи и трагедии; повышенное внимание к душевной жизни человека, культивируемое, прежде всего, сентименталистами. Одновременно происходило активное развитие лирической поэзии и басни, а также характерного для романтизма жанра баллады, непрерывно рос интерес к народной поэзии; неуклонно развивалась художественная проза [Булаховский 1954: 12–16; ИЛ 1983: 137–230].

Кажется весьма важными четко обозначенные в русской критической литературе мировоззренческие принципы, которыми руководствовалось в своей оценочно-лингвистической деятельности литературное сообщество. В частности, для литераторов первой половины XIX в. было характерно твердое убеждение, что главенствующую роль в развитии русского языка играет Словесность, своими художественными открытиями обогащающая и обновляющая русскую речь. Так, Д.В. Дашков в 1811 г. подчеркивал: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но творениями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ новый вѣсъ и значение» [Дашков: 60]. Считалось, что содействовать литературе в деле совершенствования русского языка призвана критика, верховное назначение которой заключается в том, чтобы, выявляя достижения художников в словесной сфере, уловить духовную суть живого Слова. Корни этих представлений кроются в идее о том, что язык – уникальная способность, дарованная человеку свыше. Так, в словарях о лексеме *Слово* говорилось, что «въ книгахъ Св. писания подѣ именемъ симъ разумѣется Сынъ Божий: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*. Иоанн.1.1» [САР, V: 534; СЦР, IV: 149]. С высокой идеей о Божественном происхождении Слова тогда начинались грамматические руководства. Например, в третьем параграфе «Российской грамматики» М.В. Ломоносова выражается восхищение: «Коль велика творческая премудрость: одарил нас словом, одарил слухом!» [Ломоносов 1952: 395]. Та же мысль высказывается в «Пространной русской грамматике» Н.И. Греча (1830 г.): «Способность говорить, даръ слова, т. е. возможность

выражать чувствования и мысли посредством звуковъ голоса, низпослана челоуѣку свыше» [Греч 1830: 6] и т.п.

«Мы, прочитав множество церковных и светских книг, – писал в 1802 г. Н.М. Карамзин, – соберем только материальное или словесное богатство языка, который ожидает души и красот от художника» [РПЯ: 77]. Н.И. Надеждин в 1836 г. отмечал, что «литература начинается там, где мертвый звук Слова проникается и трепещется живою силою духа». По Надеждину, если автор литературного произведения способен уподобить Слово образу Творца, то это его великий вклад в создание подлинной Словесности, представляющей собою «прекраснейший цвет народной жизни» [Надеждин: 399]. Отношение к Слову как к выражению Божественной сущности, оценка Слова с позиций духовности были весьма характерны для русской литературы, русской литературной критики и в целом для русской культуры рассматриваемого периода.

Первая половина XIX в. – эпоха подъема русской журналистики. Только за первые 12 лет с начала века в Москве и Петербурге возникло свыше 40 новых журналов, позже их количество многократно возросло [ИЛ 1960: 21]. Среди них были такие крупные и долговечные, как «Вестник Европы», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», «Современник», «Атеней» и многие другие. Исторически сложилось так, что русская литературная критика развивалась в основном в рамках журналистики, определяя «лицо» многих журналов [ОРЖК: 7]. В 1843 г. В.Г. Белинский подчеркивал, что критика «въ отношении къ успѣху и влиянію журнала начинаетъ становиться едва ли не важнѣе самихъ повѣстей» [ОЗ. 1843. Т. 26. № 1: 7]. Вопросы языка поднимались на страницах периодической печати так часто, что, по удачному выражению Л.А. Булаховского, редакции газет и журналов в это время «естественно становились лабораториями, в которых определялась и фиксировалась литературная норма» [Булаховский 1954: 46–47].

Следует подчеркнуть, что в прошлом критические отделы большинства «толстых» журналов публиковали рецензии на все издания, вышедшие из печати за истекший месяц. Поэтому в поле зрения рецензентов попадали не только произведения «изящной» литературы, но и новинки по самым разным областям знания и деятельности: биологии, географии, медицине, сельскому хозяйству, делопроизводству, педагогике и др.; и языковая сторона этих текстов тоже придирчиво оценивалась критиками. Таким образом, материал оценок первой половины XIX в. позволяет судить о специфике критических подходов к языковым явлениям различной стилистической принадлежности.

Первая половина XIX в. – начало современного этапа в истории русского литературного языка. В эту эпоху, ознаменованную творчеством Пушкина, сложилось основное ядро национального русского языка, были созданы общенародные нормы литературно-языкового выражения [Виноградов 1978: 53–58; Ковалевская 1978: 261–316; Судавичене и др. 1984: 146–204]. В результате демократизации русского литературного языка была признана культурной ценностью обыденная речь [Панов 2007: 188].

Первая половина XIX в. была временем глубокого общественного интереса к вопросам русского языка. Это обуславливалось серьезными сдвигами в социально-политической, культурной и литературной жизни России и носило официально одобренный верховными властями характер [Булаховский 1957: 8]. В данный период функционировали такие, к примеру, литературно-общественные организации, как «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств при Петербургской Академии наук» (1801–1812; 1816–1825 гг.), «Беседа любителей русского слова» (Петербург, 1811–1816 гг.), «Общество любителей российской словесности» при Московском университете (1811–1837 гг.), «Арзамас» (Петербург, 1815–1818 гг.) и другие [ИЛ 1983: 137–138]. Литературные общества возникали не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в областных центрах России. Например, в Поволжье было организовано влиятельное Казанское общество любителей отечественной словесности (1805–1853 гг.). На заседаниях подобных объединений и в их печатных изданиях, наряду с собственно литературными вопросами, широко обсуждались и проблемы русского языка. Так, П.И. Шаликов в одном из выпусков сборника «Труды общества любителей Российской словесности при Московском университете» выражал озабоченность по поводу того, что «между людьми лучшего тона»

употребителен французский, а не «природный русский язык», что серьезной помехой в развитии отечественной словесности является «недостатокъ въ правилахъ Грамматики» [Труды 1817: 157]. И он же считал серьезной помехой в развитии отечественной словесности «недостатокъ въ правилахъ Грамматики» [Там же: 163]. Видный член Казанского общества профессор красноречия, стихотворства и языка Императорского Казанского университета В.М. Перевощиков писал о том, что слова в поэзии и прозе должны быть подобраны так, чтобы «плѣнять слухъ, дѣйствовать на воображение, возбуждать страсти, просвѣщать разумъ», и сетовал, что «сочинители, бѣдные мыслями или молодые» употребляют слишком много «украшений», хотя такое излишество является признаком упадка словесности [Перевощиков: 13, 31–32].

Для изучаемой эпохи были весьма характерны споры о языке, которые велись и на страницах периодических изданий, и в дружеской переписке литераторов, и, вероятно, в ходе их личного общения [Булаховский 1957: 42]. Например, широко известна и в деталях описана языковедами полемика «шишковистов» и «карамзинистов» о «старом» и «новом» слоге [Ковалевская 1978: 246–259]. А.И. Горшков называл одним из наиболее передовых по взглядам петербургское Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (А.Х. Востоков, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Остолопов и др.) [Горшков 1982: 223–236; ИЛ 1941: 198–224]. Разумеется, особенно интересны лингвистические воззрения членов литературного кружка «Арзамас», в который входили К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин [ИЛ 1941: 327–338; 1958: 189].

По справедливому мнению Г.О. Винокура, «качество и достоверность критики во многом зависит от индивидуальных способностей критикующего, и степень образованности и учености критика – вот что прежде всего отражается на качестве его суждений» [Винокур 1991: 102]. Представляется весьма существенным вопрос об уровне лингвистической компетентности русских критиков первой половины XIX в., о том, насколько квалифицированными (естественно, учитывая уровень развития филологии в то время) можно считать сделанные ими оценки языковой стороны литературных произведений. Целесообразно ли относить эти критические суждения, к разряду, по терминологии ряда исследователей (например, [Вепрева 2002: 24; Трикоз 2010: 2]), наивных, обыденных или житейских, т. е. представляющих собой проявление околонуточного, стихийно-бытового языкознания?

Судить о контингенте критиков того периода, их социальном происхождении, образовательном уровне можно с большой степенью условности, поскольку в этот период были широко распространены анонимные публикации. В данном отношении оказывает немалую помощь «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова [Масанов 1956–1960], хотя и это справочное пособие не всегда содержит нужную информацию об авторах критических материалов, скрывающихся за инициалами или условными именами. Отдельные сведения о жизненном пути критиков можно получить из «Энциклопедического словаря» [Брокгауз]. Некоторые факты биографического содержания включены в книги [Сушков 1858; Булаховский 1957; Крупчанов 2005: 11–137] и др.

Анализ имеющихся данных позволяет утверждать, что в первые десятилетия XIX в. функцию литературных критиков выполняли преимущественно представители дворянства, в большинстве своем получившие блестящее по тем временам образование в привилегированных учебных заведениях: Благородном пансионе при Московском университете (В.А. Жуковский, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.П. Шевырев, А.Ф. Воейков, А.С. Грибоедов, М.А. Дмитриев и др.), Царскосельском лицее (А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, А.А. Дельвиг), в Московском университете (А.Ф. Мерзляков, Н.И. Гнедич, А.Г. Глаголев, С.Е. Раич и др.).

Важно подчеркнуть, что образование в России первой половины XIX в. было преимущественно гуманитарным. Основными изучаемыми дисциплинами были словесность, языки, риторика, логика, основания изящной письменности, история и т.п. [ИО 2002: 247–248]. В привилегированных учебных заведениях всемерно поощрялись занятия словесным творчеством. Выпускник Благородного пансиона, поэт, литературный

критик Н.В. Сушков в своих воспоминаниях подчеркивал, что каждый из воспитанников пансиона «принес свою лепту на алтарь отечественной словесности, каждый потрудился на пользу русского языка» [Сушков 1858: 35–36].

Позже, в 1830–40-е гг., ряды критиков начали пополняться представителями разночинной интеллигенции, которые часто имели высшее филологическое образование, занимались литературным творчеством, журналистикой [Булаховский 1957: 10–12]. Среди них было немало серьезных ученых-филологов, авторов грамматических и литературоведческих трудов (В.Г. Белинский, О.И. Сенковский, Н.И. Надеждин, Н.И. Греч, С.П. Шевырев, И.Ф. Калайдович, Н.А. и К.А. Полевые, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин и др.).

В связи со сказанным, кажется, есть основания считать большую часть сделанных русскими критиками в этот период языковых оценок в достаточной степени профессиональными. Естественно, при этом следует учитывать уровень развития языкознания в то время. Л.А. Булаховский подчеркивал, что «в России в первые десятилетия XIX века нет еще влиятельной и аргументирующей свои положения науки о языке: главным образом на интуиции строятся предписания грамматики» [Булаховский 1957: 321]. Вместе с тем думается, что не вполне правомерно говорить о существовании в рассматриваемую эпоху языковедения как отдельной, независимой от литературоведения сферы научной деятельности. Недостигаемое ныне единство филологического знания в рассматриваемый период проявлялось в полной мере. Ученые, занимавшиеся языкознанием профессионально, как правило, были одновременно писателями и фольклористами, журналистами и переводчиками, литературными критиками и публицистами, а свои универсальные филологические познания они с успехом применяли при конкретно-лингвистическом анализе литературных произведений. В этой среде и осуществлялось становление языковой нормы, происходила ее общественная апробация, предшествующая окончательной словарно-грамматической фиксации. Речевые оценки русских критиков периода широкого распространения «гуманитарности», отличавшиеся глубиной наблюдений, тонкостью замечаний и прозорливостью, во многом обеспечивали «общественное одобрение» [Ожегов 1974: 259] языковым фактам, претендующим на роль нормативных. Характерный для эпохи первой половины XIX в. широкомасштабный энциклопедический «филологизм» имел своим результатом углубленный интерес образованной части российского общества ко всем проявлениям Слова как воплощению интенсивной духовной жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- БДЧ – Библиотека для чтения: журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834–1856.
Белинский – В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М., 1956.
Благонамеренный – Благонамеренный: литературный и критический журнал, издаваемый А. Измайловым. СПб., 1818–1826.
Брокгауз – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907.
Городчанинов – Г. Городчанинов. Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части Российской словесности. Казань, 1813.
Дашков – Д. Дашков. О легчайшем способе возражать на критики. СПб., 1811.
Жуковский – В.А. Жуковский. Эстетика и критика. М., 1985.
ЗМ – Заволжский муравей: литературно-художественный и иллюстрированный журнал. Казань, 1832–1834.
КРР – Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2007.
МВ – Московский вестник: журнал, издаваемый М. Погодиным. М., 1827–1830.
Мерзляков – А.Ф. Мерзляков. Рассуждение о Российской Словесности // Труды общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1812.
Надеждин – Н.И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
ОЗ – Отечественные записки: учено-литературный и политический журнал. СПб., 1818–1849.

ОРЖК – Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Т. 1. Л., 1950.
 Перовошиков – В. *Перовошиков*. Опыт о средствах пленять воображение. Казань, 1815.
 Полевой – К.А. *Полевой*. Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого. Ч. 1. СПб., 1860.
 ППК – Пушкин в прижизненной критике. Т. 1: 1820–1827. СПб., 1996.
 Пушкин – А.С. *Пушкин*. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1959.
 РА – Русский архив: историко-литературный сборник. М., 1896.
 РЛК XVIII – Русская литературная критика XVIII века: сборник текстов. М., 1978.
 Роллен – Ш. *Роллен*. Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам. Кн. 3. СПб., 1789.
 РПП – Русские писатели о переводе. Л., 1960.
 РПЯ – Русские писатели о языке: хрестоматия. Л., 1955.
 САР – Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1789–1794.
 СЛТ – Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
 СП – Северная пчела: политическая и литературная газета. СПб., 1825–1849.
 СЦР – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
 Труды 1817 – Труды Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете. Ч. 8. М., 1817.
 Языков – Н.М. *Языков*. Сочинения. Л., 1982.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко 2009 – Н.Ф. *Алефиренко*. Современные проблемы науки о языке. М., 2009.
 Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
 Бодуэн де Куртенэ 1963 – И.А. *Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. 1. М., 1963.
 Булаховский 1954 – Л.А. *Булаховский*. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.
 Булаховский 1957 – Л.А. *Булаховский*. Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.
 Вепрева 2002 – И.Т. *Вепрева*. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
 Виноградов 1978 – В.В. *Виноградов*. История русского литературного языка. М., 1978.
 Виноградов 1981 – В.В. *Виноградов*. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
 Винокур 1991 – Г.О. *Винокур*. О языке художественной литературы. М., 1991.
 Вольф 1985 – Е.М. *Вольф*. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
 Гинзбург 1974 – Л.Я. *Гинзбург*. О лирике. Л., 1974.
 Горшков 1982 – А.И. *Горшков*. Язык предпушкинской прозы. М., 1982.
 Горький 1953 – М. *Горький*. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М., 1953.
 Греч 1830 – Н.И. *Греч*. Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб., 1830.
 Григорьев 2004 – В.П. *Григорьев*. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., 2004.
 ИК 1958 – История русской критики: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1958.
 ИЛ 1941 – История русской литературы: В 10 т. Т. 5. Ч. 1. М.; Л., 1941.
 ИЛ 1960 – История русской литературы XIX века. М., 1960.
 ИЛ 1983 – История русской литературы XI–XX веков. М., 1983.
 ИО 2002 – История образования и педагогической мысли за рубежом и в России. М., 2002.
 Ковалевская 1978 – Е.Г. *Ковалевская*. История русского литературного языка. М., 1978.
 Кронгауз 1999 – М.А. *Кронгауз*. Критика языка // Логос. 1999. № 3 (13).
 Крупчанов 2005 – Л.М. *Крупчанов*. История русской литературной критики XIX века. М., 2005.
 Крысин 2007 – Л.П. *Крысин*. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2.
 Леонтьев 2007 – А.А. *Леонтьев*. Язык, речь, речевая деятельность. М., 2007.
 Ломоносов 1952 – М.В. *Ломоносов*. Российская грамматика // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
 Масанов 1956–1960 – И.Ф. *Масанов*. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.
 Ожегов 1974 – С.И. *Ожегов*. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
 Панов 2007 – М.В. *Панов*. История русского литературного произношения XVIII–XIX вв. М., 2007.

- Пешковский 1959 – *А.М. Пешковский*. Избранные труды. М., 1959.
- Потебня 1976 – *А.А. Потебня*. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Серебряная 2010 – *И.Б. Серебряная*. Языковые оценки в русской журналистике 1-й половины XIX века. «Заволжский муравей» // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2010.
- Серебряная 2012а – *И.Б. Серебряная*. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология). Казань, 2012.
- Серебряная 2012б – *И.Б. Серебряная*. Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века // Русский язык в культурно-историческом измерении. М., 2012.
- Серебряная 2013 – *И.Б. Серебряная*. Фонетико-орфоэпические и акцентологические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века. Казань, 2013.
- Судавичене и др. 1984 – *Л.В. Судавичене, Н.Я. Сердобинцев, Ю.Г. Кадыкалов*. История русского литературного языка. Л., 1984.
- Судаков 2012 – *Г.В. Судаков*. Речевые новации XIX века в оценках современников // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе. СПб., 2012.
- Сушков 1858 – *Н.В. Сушков*. Московский университетский Благородный пансион. М., 1858.
- Трикоз 2010 – *Э.Л. Трикоз*. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010.
- Философский словарь 2010 – Философский словарь. Ростов-на-Дону, 2010.
- Чичерин 1977 – *А.В. Чичерин*. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977.
- Шварцкопф 1970 – *Б.С. Шварцкопф*. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Шунейко 1992 – *А.А. Шунейко*. Языковая критика как филологическая дисциплина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Шунейко 2001 – *А.А. Шунейко*. Оценки речи и речь оценок // Словарь и культура русской речи. М., 2001.
- Щерба 2004 – *Л.В. Щерба*. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004.

Сведения об авторе:

Ирина Борисовна Серебряная
Казанский федеральный университет
i_serebrjanaja@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2013.